* * *

Узнаешь вражескую нежность,
когда уйдёшь совсем один.
Не бесприютность – БЕЗМЯТЕЖНОСТЬ
тебе заменит этот дым,
все эти муки и надрывы
и игры скучные волчат.
И только тополя порывы
в твоё окошко постучат.
И ВОСХИТИТЕЛЬНЫ прогулки
без слёз, без кофе, без друзей
по столь же грязным переулкам
счастливой родины моей.

* * *

Любимых нет, но есть любые,
Способные любимым стать.
Им в сети строчек голубые
Совсем нетрудно попадать.
Им для того не надо прыгать
С крыш или розы мне дарить,
А просто подойти поближе,
Заговорить...

* * *

Господи, пошли мне друга.
Господи, пошли мне друга.
Господи, пошли мне друга.
Первый друг был ветер.
Второй друг был камень.
Третий другом не был,
Но я его любила.

* * *

За садовой оградой источник
Белый ключик сжимает в руке.
Белой кисти сиреневый кончик
Отмывает сирень в ручейке.
С гор бежит эта чистая влага,
По каменьям чуть слышно шурша,
И дрожит в нетерпенье бумага,
Чуя запах карандаша.

* * *

Л. Кораблиной, В. Антуху
и другим ушедшим поэтам

Лишь стихов машина времени увезёт тебя туда,
Где росой трава беременна, сумрак влажен навсегда.
В акварельные туманы, в тени бархатных углей,
В известковые обвалы у некрашеных дверей.

Паутинные затворы, деревянные мостки,
Дождевые разговоры, все оттеночки тоски…
Будешь сквозь бурьян стремиться – лопухи да лебеда,
Чтоб живой воды напиться из железного ведра.

* * *

В Томске осень такая же точно,
Как в Париже и Лондоне, – знаю.
Это томность в движениях, прочность
Паутины, скольженье по краю

Летних чувств, завитки увяданья
На висках обмороженной астры.
И потерь обнажённые краски,
И прощанье, прощанье, прощанье…

* * *

Ты же мастер сказок на ночь,
Город улочек старинных!
Ржа стареющих каштанов
Копится в подвалах винных.

Лев и липа – символ Праги.
Пышной гривой цвета браги
Машет лев во снах, и мёдом
Липа лечит, мажет йодом

Ран сердечных крестоцветье.
Оплетя плющом столетья,
Время скрылось в зодиаке –
Старо Место, ново платье.

Здесь меняют имя реки,
А не только человеки.
Эта песня на двоих:
«Эльба-Лабе, либе дих».

* * *

Синий дом, останься синим.
Ты краснеть не торопись,
У трамвайных гибких линий
Наблюдая злую жизнь.

Окон взор забрось с пригорка
В облаков голубизну,
Монастырские задворки,
Голубиную возню.

Носовым платком сирени
Слёзы светлые утри.
Стоя по колени в лени,
В лопухах былых имений
И эскизности зари.

Воспари над грешным бытом,
Над трамвайной суетой
Строчкою святой молитвы,
Строек городских элитных
Ахиллесовой пятой.

* * *

Стоит стеною огород –
От бани до крылечка.
И ягодой наполнен рот –
Не вымолвить словечка.
Кузнечик партию свою
Стрекочет, не бросает.
Ему вольготней, чем в раю,
У старого сарая.
Вечерней переправы дрожь,
Река под мост укрылась…
И сизой жимолости дождь
Велик, как Божья милость.

* * *

Синим драконом дым
Плывёт из трубы печной…
Трудно быть молодым
С опытом за спиной.
Трудно порхать мотыльком,
Задевая листву,
Трактуя безмолвие рыб
И небес синеву.
Но зимняя благодать,
Созданная не на века,
Способна тебя поддержать
Объятьями снеговика.